
Искусство чтения

Александр ВИННИЧУК

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЛИЧНОСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Почему существует Нечто, а не Ничто? Голый факт существования мира был бы менее загадочен, если бы этот мир, по сравнению с другими возможными реальностями, чем-то выделялся на их фоне, что сделало бы его особо пригодным для реализации. В этом случае и существование «я», мое личное существование можно было бы объяснить наличием той самой космической особенности. Например, допустим, что космос существует, потому что удовлетворяет абстрактную потребность в добре, простоте или красоте. С точки зрения такого эйдетического платоновского представления, я должен быть здесь, потому что мое существование добавляет немного добра (или красоты, или элегантности) в космическую сумму. Любая такая особенность, выделяющая именно этот мир в качестве существующего, придала бы смысл моей жизни как элементу этого мира. У моей жизни была бы космическая цель: быть как можно лучше этически, или как можно более поэтичным, или как можно более элегантным (вспомним книгу Брайна Грина «Элегантная Вселенная»), или что-то еще.

Однако реальность никакими особыми чертами не обладает. Существование Вселенной можно полностью объяснить на основе единственного предположения о том, что

Александр Александрович Винничук родился в 1990 году. В 2014–2016 годах журналист радио «Дон-ТР» ВГТРК. Выпускник аспирантуры Института философии и социально-политических наук ЮФУ, специальность – философия, этика и религиоведение (2017). Лауреат научной премии Гуськова (2015). Публиковался в журналах «Нева», «Наш современник», «Журнал поэтов», «Контрабанда», «Невский альманах», «День и ночь» и др. Автор повести «Последнее утро» (журнал «Нева»), вошедшей в сборник «Молодая Нева» (2015), в котором опубликованы произведения лучших молодых авторов «Невы» за последние пять лет. Автор научно-популярного проекта «Вселенная как она есть» в ростовском пространстве «Циферблат». Автор просветительского проекта «Look эпохи: образ жизни, технологии, философия» в Донской государственной публичной библиотеке.

она посредственна во всех отношениях. Даже ее бесконечность и то заурядна, поскольку бесконечный космос все равно бесконечно далек от достижения предельной полноты. Он подобен случайно выбранному подмножеству натуральных чисел, включающему бесконечно много элементов, но и оставляющему бесконечно много элементов, не принадлежащих ему. В такой реальности будут промежутки идеальной полноты, состоящие из долгих последовательностей единиц, а также промежутки идеальной пустоты из долгих последовательностей нулей, промежутки, представляющие самые красивые из всех вообразимых последовательностей, и промежутки, представляющие самые непривлекательные из всех вообразимых последовательностей. Таким образом, в целом все они складываются в космическую бессмыслицу, подобно книгам в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Вавилонская библиотека»: *«Я думаю, вполне логично считать, что мир бесконечен. Те же, кто считает его ограниченным, допускают, что где-нибудь в отдалении коридоры, и лестницы, и шестигранники могут по неизвестной причине кончиться, — такое предположение абсурдно. Те, кто воображает его без границы, забывают, что ограничено число возможных книг. Я осмеливаюсь предложить такое решение этой вековой проблемы: Библиотека безгранична и периодична. Если бы вечный странник пустился в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться по прошествии веков, что те же книги повторяются в том же беспорядке (который, будучи повторенным, становится порядком — Порядком). Эта изящная надежда скрашивает мое одиночество».*

Если мы имеем дело с существованием непустой реальности (нечто все-таки существует, хотя бы буддистская иллюзия), то предположим и общую форму, которую эта реальность должна принимать, а именно **бесконечная посредственность**. Мир должен быть одинаково далек как от того, чтобы содержать абсолютно все возможности, так и от того, чтобы быть абсолютным ничто. Однако это заключение приводит к новой загадке: если мир бесконечно далек от онтологической полноты, то почему я являюсь неотъемлемой его частью? Как из этого «злого и вязкого омота» мне удалось появиться на свет? И почему от мысли, что я существую, так сильно кружится голова?

Если у реальности нет никакого особого качества, кроме ощущения, что все вокруг сон, то и мое присутствие в ней нельзя объяснить тем, что я каким-то образом улучшаю это качество, что-то к нему добавляю. Таким образом, в моем существовании нет никакого высшего смысла, или, точнее, единственный смысл моего существования состоит в том, что я существую. Сартр написал, что «существование предшествует сущности». Существовать — более фундаментально, чем обладать какими-то особыми качествами. В чем же тогда цель моей жизни? Герою романа Гончарова Обломову его друг Штольц мудро говорит, что «цель — жить».

Таким образом, с точки зрения космоса мое существование без цели, смысла и необходимости. (Разве сам Бог не удивляется от того, что существует? И какова цель Его существования?) Я существо случайное и произвольное. С большой долей вероятности меня могло бы не быть вообще.

С насколько большой?

Попробуем прикинуть. Как представитель человеческого рода, я обладаю определенной генетической идентичностью. В геноме человека около 26 тысяч активных генов. И каждый из них имеет, по меньшей мере, два варианта, или аллеля. Таким образом, число генетически различных индивидов, которое может кодировать геном, составляет 2 в степени 26 000, что примерно равно единице с десятью тысячами нулей. Столько потенциальных индивидов позволяет структура нашей ДНК. А сколько из этих потенциальных индивидов на самом деле существовало? Предполагают, что около ста миллиардов людей родились с тех пор, как возник наш вид. Давайте на всякий случай округлим до ста миллиардов. Это означает, что доля генетически возможных индиви-

дов, которые уже родились, составляет меньше, чем 0,00000...000001 (на месте многоточия вставьте еще примерно 9989 нулей). Подавляющее большинство этих генетически возможных индивидов остаются нерожденными. В такой фантастической лотерее, как назвал ее Ричард Докинз, мне повезло выиграть, чтобы появиться на свет. Вот уж случайность в высшей степени!

То, что мы сумели выиграть, несмотря на такой невероятно малый шанс, делает нас «счастливыми», как говорит Докинз. Точка зрения Бертрана Рассела ближе к агностицизму: «Широко распространено убеждение о том, что существовать лучше, чем не существовать; на этом основании от детей требуют быть благодарными их родителям». Если бы ваши родители не встретились, то, разумеется, вы бы не родились. Однако гораздо большее, чем просто встреча ваших родителей в определенный момент времени и пространства (в четырехмерной Вселенной), должно было сложиться невероятно удачным образом, чтобы вы появились на свет. Возможно, благодарности заслуживает меньше ваша мама или папа, а отважный маленький сперматозоид (как здесь не вспомнить психолога Михаила Литвака и его книгу «Принцип сперматозоида?»), нагруженный половиной вашей генетической идентичности, стойко пробирающийся мимо миллионов своих собратьев, чтобы воссоединиться с яйцеклеткой.

Появление на свет моей генетической идентичности в самом деле было **маловероятным совпадением**, но достаточно ли этого, чтобы появился я? Могла ли эта генетическая идентичность с той же легкостью произвести не меня, а, так сказать, моего близнеца? А если вы случайно оказались одним из близнецов, то как вам такой мысленный эксперимент: представьте, что зигота, вскоре после оплодотворения разделившаяся пополам, чтобы получились вы и ваш близнец, вместо этого осталась целой. Уникальное создание, которое родилось бы у ваших родителей через девять месяцев, было бы вами или вашим близнецом? Или ни тем, ни другим?

И неужели я представляю собой всего лишь частный случай генетически определенного вида *Homo sapiens*? Я ведь могу представить свое «я» переселяющимся в некую нечеловеческую кремниевую форму или даже в нематериальное существо вроде духа или ангела.

Вот и выходит, появление человека — это итог множества случайных совпадений, но этот клубок позволяет нам, развернув историю вспять, проследить ее вплоть до изначальных условий, вплоть до начала времени, до момента Большого взрыва. Существует точка зрения, по которой эволюция сознательной жизни на нашей планете обусловлена подходящими мутациями, происходившими в различное время. Предположительно это были квантовые события, поэтому они могли бы существовать только в виде линейной суперпозиции до тех пор, пока они не довели эволюцию до мыслящих существ, самое существование которых зависит от всех «правильных» мутаций, имевших место в действительности. Именно наше присутствие, согласно этой идее, вызывает к существованию наше прошлое. Эта концепция называется теорией «партиципаторной» Вселенной, она выдвинута физиком Джоном Уилером в 1938 году.

Так, может быть, в конце концов, моя сущность — это не что-то биологическое наподобие организма? Может быть, моя сущность заключается в чем-то другом? Хотя я не уверен, чем именно я на самом деле являюсь, одно мне известно наверняка: я существую. Это утверждение может быть условной истиной, но оно заведомо истинно. Я смогу его отрицать, только противореча самому себе. Даже когда со всех сторон одолевают сомнения, факт моего существования остается «приютом» уверенности — по крайней мере, так утверждает Декарт. Его знаменитая фраза «*Cogito, ergo sum*» означает «Я мыслю, следовательно, я существую». И от утверждения, что его существование самоочевидно уже из того факта, что он мыслит, Декарт прямо переходит к еще более решительному утверждению, что является, по сути, мыслящим существом, то есть

чистым субъектом сознания. В этом качестве «я» в «я существую» должно относиться к чему-то отличному от физического тела, следовательно, к чему-то нематериальному.

Означает ли это, что здесь Декарт зашел в своих выводах дальше, чем следовало? Как указывают многие из его комментаторов, «я» в послышке Декарта не совсем обоснованно. С уверенностью можно утверждать только то, что существуют мысли. Декарт нигде не доказал, что мысли требуют мыслителя. Возможно, местоимение «я» в его доказательстве является всего лишь грамматическим предположением, вводящим нас в заблуждение, а не названием реальной сущности.

Предположим, что вы обратили свое внимание внутрь себя в поисках этого «я». Вы можете обнаружить не более чем **постоянно меняющийся поток сознания**, «шелест» мыслей и чувств, в которых нельзя найти истинную самость. По крайней мере, именно это открыл Дэвид Юм, когда проводил мысленный эксперимент веком позже Декарта. В «Трактате о человеческой природе» он писал: *«Но что же вызывает в нас такую сильную склонность приписывать тождество этим сменяющим друг друга восприятиям и предполагать, что мы обладаем неизменным и непрерывным существованием в течение всей своей жизни? (...) Что касается меня, то когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим я, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия...»* (перевод С. И. Церетели).

Так кто же прав: Декарт или Юм? Есть я или нет меня? И если меня нет, то о чем же я думаю, когда думаю, почему я существую? Даже сегодня природа самости является проблемой, которая вызывает среди философов споры и недоумение. Возможно, чуть больше философов склоняются к взгляду Юма на «я» как на некую фикцию, отброшенную местоимением «я». Наш современник Гален Стросон думает, что в потоке сознания каждого человека маленькие преходящие («житковские») человечки постоянно возникают и исчезают, но ни один из них не существует больше часа. «Просту нет никакого „я“, которое проживает целый день бодрствования (не говоря уже о более длительных промежутках времени), — утверждает Стросон, — хотя в любой данный момент времени, несомненно, существует некоторое „я“ или самость». Более того, возникшее в конце каждого дня «я», по мнению Стросона, вскоре уничтожается сном, и каждое утро просыпается новое картезианское «я».

Если внутреннее «я» такое неуловимое, то, возможно, для этого есть причина. В конце концов, чем именно должно бы быть «я»? В современной посткартезианской философии предложены два концептуальных требования, которым должна отвечать самость. Во-первых, чем бы еще она ни была, самость есть **субъект сознания**. Все, что я переживаю в данный момент, — вижу голубое небо в окне, слышу вдалеке крик, чувствую головную боль, думаю об ужине — все это есть часть одного и того же сознания, потому что они принадлежат той же самости. Я могу идентифицировать ощущение головной боли как мое собственное без всякого сомнения.

Второе требование состоит в том, что самость должна быть способна к **самосознанию**, то есть должна осознавать себя.

А нет ли фатального противоречия между этими двумя условиями? Да и как может одна и та же вещь одновременно быть субъектом и объектом сознания? Шопенгауэр назвал это «самым вопиющим противоречием, какое только можно придумать». Подобно Шопенгауэру, Витгенштейн сравнил «я» со слепым пятном в глазу: точно так же, как «я» есть источник сознания, глаз есть источник поля зрения и не может видеть сам себя. Витгенштейн писал: «Я не являюсь объектом. „Я“ объективно противостоит каждому объекту, но не мне».

Одна точка зрения состоит в том, что содержание сознания и составляет личность — это психологический критерий самоидентичности. С этой точки зрения фраза «я существую» утверждает существование некоего более или менее непрерывного сгустка воспоминаний, ощущений, мыслей и намерений. Эти различные сгустки и делают меня мной, а вас — вами.

А что произойдет, если я **заболею амнезией и потеряю все воспоминания**? Или нейрохирург сумеет стереть все мои воспоминания и заменить их вашими? А потом еще и произведет обратную операцию на вас? Обнаружит ли каждый из нас себя проснувшимся в чужом теле?

Если мою личную идентичность определяют не психологические факторы, то что же может ее определять? Очевидный ответ — это критерий физический. Моя идентичность определяется моим телом, а точнее, мозгом как физическим объектом, являющимся причиной существования и непрерывности моего сознания. С точки зрения этой гипотезы **«я есть мой мозг, и ничего более»**, фактическое содержание вашего потока сознания не имеет значения для вашей идентичности. Имеет значение только определенный сгусток серого вещества в вашем черепе. Вы не сможете пережить уничтожение этого сгустка. Вашу личность нельзя ни «загрузить» на цифровой носитель, ни воскресить в некой духовной бесплотной форме. Чалмерс и Нагель пошли еще дальше, предположив, что даже если удастся воссоздать точную физическую копию вашего мозга, затем наполнить ее вашими воспоминаниями и вложить в клон вашего тела, то в результате «вас» все равно не получится (хотя «оно» может думать, что оно — это вы).

Поэтому говоря «я существую», я, возможно, утверждаю лишь существование определенного мозга. Тогда вопрос «Почему я существую?» имеет чисто физический ответ — потому что в определенный момент в истории Вселенной определенная группа атомов случайно (или не случайно) собралась вместе определенным образом.

Как указал ведущий философ современности, оксфордский профессор Дерек Парфит, проблема с этим простым определением состоит в том, что даже физическая идентичность моего мозга не так уж однозначна. Допустим, говорит Парфит, что все клетки вашего мозга имеют некий дефект, который в итоге станет смертельным. Теперь предположим, что хирург может заменить эти клетки дубликатами без дефекта — например, с помощью серии из ста операций по пересадке. После первой операции останется 99 процентов вашего мозга. В середине процесса половина вашего мозга будет состоять на 50 процентов из родных клеток, а на 50 — из дубликатов. А перед последней операцией ваш мозг будет копией на 99 процентов. В результате этой серии операций будет ли ваше «я» по-прежнему вашим, несмотря на полную замену мозга? А если «оно» — это уже не «вы», то в какой момент ваше «я» вдруг исчезло и заменилось новым?

Все это говорит о том, что ни психологический, ни физический критерии не могут четко определить, кто я есть. Отсюда возникает неприятное подозрение: а что если на самом деле мою идентичность определить невозможно? Что если нет настоящего ответа на вопрос о том, существую ли я или нет? Хотя я имею в виду нечто, когда говорю «я», это нечто не имеет никакого онтического основания. Оно не входит в фундаментальную «обстановку» Вселенной. Оно существует лишь в форме постоянной смены состояний сознания, населяющих мозг, и постоянно меняющегося набора физических частиц, составляющих тело. Мы можем проследить ее идентичность мгновение за мгновением. Но вопрос о том, остается ли она той же самой на протяжении длительных промежутков времени или после больших физических и психологических сломов, остается без ответа. Постоянная, материальная, самоидентичная личность — это фикция. По мысли, которую приписывают Будде, личность есть

всего лишь общепринятое название множества элементов. Юм, хотя и убежденный в истинности этого заключения, был им весьма огорчен. Оно привело его «в самое прискорбное состояние, какое только можно себе вообразить, погрузив в глубочайшую тьму»¹. Напротив, Дерек Парфит, по примеру Будды, нашел этот вывод утешительным и освобождающим. Прежде, когда Парфит думал, что его «я» либо существует целиком, либо не существует вообще, «жизнь казалась стеклянным туннелем, сквозь который я двигаюсь с каждым годом все быстрее и быстрее и в конце которого темнота». Когда же он освободился от иллюзии «я», то «стены стеклянного туннеля исчезли. Я вырвался на волю»².

Допустим, что картезианское «я» (из утверждения «Я мыслю, следовательно, я существую») на самом деле является иллюзией. Как она могла бы возникнуть? (Кроме того, можно еще спросить: для кого или для чего оно является иллюзией?) Быть «я» означает обладать самосознанием, так, может быть, «я» создается самим процессом размышления о себе? Другими словами, что если «я» само себя создает?

Как только мы допустили, что «я» может создать себя, легко увязнуть еще глубже в скользком трансцендентном болотце, на дне которого лежит занятая форма идеализма, утверждающая, что, создавая себя, «я» создает и всю прочую окружающую реальность. При всей своей безумности к этой идее постоянно возвращаются в европейской философии со времен Канта. Ее разновидности можно найти у Шеллинга, Гегеля и Фихте в XIX веке, а также у Сартра и Гуссерля в веке XX.

Фихте утверждал, что «я» возникает в самом процессе «утверждения» себя. Утверждение «я = я» как пример логического закона тождества является очевидной истиной. Согласно Фихте, это вообще единственная очевидная истина, поскольку не имеет никаких предварительных условий. (Обычно истинность тождества «А = А» предполагает существование А в качестве условия, но существование «я» в «я = я» гарантировано природой самости, возникающей в процессе утверждения себя.) Как единственная очевидная истина, «я = я» должно быть основанием для всех остальных знаний. Таким образом, Фихте считал, что все знание в конечном итоге должно быть самопознанием. Трансцендентный субъект не только создает себя самоутверждением, но и создает весь прочий мир.

С моей точки зрения, вера в то, что «я» есть источник всей реальности, — это метафизическое плутовство, если не безумие. Тем не менее чем бы ни было мое «я» — субстанцией, сгустком, ключевой точкой, вместилищем, пишущим себя стихотворением, грамматической тенью или трансцендентным Эго — оно в самом деле кажется центром мира. Нелегко было XVII веку смириться с подчиненным положением Земли по отношению к Солнцу, а следующим векам принять периферийность всей Солнечной системы и даже галактики Млечного Пути, а человеку осознать себя пылинкой во Вселенной. Но сейчас от нас требуется гораздо большее — понять, что многое в этой Вселенной недоступно нашему восприятию, от движения частиц до гипотетических 11 измерений. И допустить существование иных реальностей с иными законами, где наше присутствие заведомо невозможно. В этой точке полного ничтожества человека перед бесконечным множеством непредсказуемых вселенных происходит удивительный поворот: в нашей вселенной человек существует, а значит, из всех возможных наборов законов и историй приходится выбирать те, которые допускают наше существование. Это обманчиво схоже с разными телеологическими объяснениями: Бог создает и направляет мир к появлению человека. Однако научная картина мира не предполагает существования такой цели (высший замысел может и не иметь «высшего замыслителя»).

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. С. И. Церетели.

² Parfit. Reasons and Persons. P. 280.

Разумеется, мир мог бы быть только моим миром (в противоположность вашему миру или ее миру), если бы я был единственной истинной самостью — метафизическим «я». Не будучи солипсистом, я в это не верю. Даже если я есть центр своего субъективного мира, я верю, что есть объективный мир, существующий независимо от меня, — огромная область пространства и времени, из которой мне известна лишь крохотная часть. Неужели этот объективный мир существовал до моего рождения и будет существовать после моей смерти? Я также верю, что объективный мир не имеет центра или заданной перспективы. А поскольку мир не имеет центра, то я должен попытаться его понять. Здесь сделаем реверанс Нильсу Бору и квантовой физике, согласно которым, для того чтобы наиболее адекватно описать физический объект, относящийся к микромиру, его нужно описывать во взаимоисключающих, дополнительных системах описания, например одновременно и как волну, и как частицу. Классическая логика оказывается недостаточной для описания мира. Бор использует, казалось бы, очень простое средство: признается допустимым взаимоисключающее употребление двух языков, каждый из которых базируется на обычной логике. Они описывают исключающие друг друга физические явления, например непрерывность и атомизм световых явлений. Принцип дополнительности — это, собственно, признание того, что четко построенные логические системы действуют как метафоры. Не наталкивает ли это нас к выводу, что я — тоже точно такая же метафора?

Назовем это логическое, или языковое, «Я» **«объективным» или «истинным я»**. По мнению философа Томаса Нагеля, «объективное я» несколько отличается от конкретного человека. Оно использует ощущения этого человека как некое окно в мир, создавая на их основе концепцию реальности без точки зрения. Однако в результате «объективное я» сталкивается с удивительной загадкой: *«Как могу я, мыслящий обо всей Вселенной без центра, быть чем-то столь особенным — быть этим ничтожным, не имеющим оснований для бытия созданием, существующим в крохотном уголке пространства-времени, имеющим определенную, хотя и вовсе не универсальную, психическую и физическую структуру?»*³

Кажется чудесным, что он, Томас Нагель, столь недолговечный пузырек в океане реальности, оказался «мировой душой в скромном обличье». Рассматривая мир объективно, Нагель удивляется тому, что его сознание локализовано в конкретном человеческом существе: «Как понять, что я — Томас Нагель?» Чтобы избежать обвинений в метафизической мании величия, Нагель подчеркивает одно уточняющее обстоятельство: *«Та же самая мысль доступна любому из вас. Вы все есть субъекты Вселенной, не имеющей центра, и любой человек или марсианин должны казаться вам случайностью. Я не утверждаю, что лично я есть субъект этой Вселенной; я лишь субъект, способный вообразить не имеющую центра Вселенную, где Томас Нагель есть маленькая пылинка, которой могло бы и не быть»*⁴.

Философы, желающие покритиковать «объективное я» Нагеля, заявляют, что утверждение «Я есть Томас Нагель» верно тогда и только тогда, когда высказано самим Томасом Нагелем. Однако Нагель возражает, что подобный безличный семантический анализ оставляет пробел в нашем понимании мира. Даже если вся общедоступная информация о человеке по имени Томас Нагель будет включена в объективную картину мира, говорит он, «дополнительная мысль, что Томас Нагель — это я, определено содержит дополнительные данные, причем эти данные поражают»⁵.

Мог ли Томас Нагель быть кем-то другим, не Томасом, а какой-то другой «тростинкой»? Допустим, мировая история не изменилась, только он бы стал Александром

³ Nagel T. The View from Nowhere. Oxford University Press, 1986. P. 61.

⁴ Там же. P. 54.

⁵ Там же. P. 61.

Македонским, а Александр Македонский стал бы им. Что происходит, когда мы пытаемся вообразить такую возможность? Я могу представить себя человеком с поднятой вверх головой, взглядом страстным и мужественным, с густыми волосами, которые были разделены посередине на пробор, чуть выше лба, и ниспадали к вискам, напоминая гриву льва, вззирающим на победу при Гавгамелах над персами. Однако все, что я на самом деле здесь себе вообразил, это игру в Александра, что позволяет мне понять, как я мог бы быть великим полководцем, не более чем наблюдение за Колином Фареллом в роли Александра на экране, позволяет мне понять, как он мог бы быть им.

Если вы скажу себе: «Я мог бы быть Македонским», местоимение «я» не может относиться к реальной личности, потому что в этом случае данное утверждение будет прямым противоречием. Таким образом, «я» должно относиться к вашей личности, какой она была бы без всего физического и психологического основания — к чистому, вечному и лишённому характерных черт картезианскому *cogito*. А есть ли у нас такое «я»?

Если у вас есть такое «я», то открывающиеся в этом случае возможности более фантастические, чем шанс поменяться местами с Александром Македонским. Например, вы могли бы вдруг прекратить существовать в процессе чтения этой статьи и заменить свое «я» на новое, которое будет населять ваше тело и в точности примет ваши психологические черты. Подобное происшествие, как замечает кэрролловская Алиса, никак не будет заметно снаружи.

Другая возможность состоит в том, что мир мог бы быть точно таким же, какой он есть, за исключением того, что ваше чистое картезианское *cogito* никогда не существовало. Ваша эмпирическая личность с ее генетической идентичностью, воспоминаниями, социальными связями и прочей историей вашей жизни была бы здесь, но это были бы не вы, а ваш близнец. Крохотная тростинка вашего сознания никогда бы не шуршала в этом мире.

«Изумление от того, что Вселенная содержит существо с уникальным свойством быть мной, есть очень глубокое чувство», — заметил Нагель. Позволю себе высказать мою точку зрения. Я тоже разделяю его изумление фактом своего существования — тем, что Вселенная как-то произвела те самые мысли, которые сейчас кружатся в «омуте» моего сознания. Тем не менее изумление, которое я испытываю от невероятности своего существования, имеет любопытную противоположность: мне трудно вообразить мое полное отсутствие. Почему же так трудно представить себе мир, в котором меня нет, в котором я никогда не появился на свет? В конце концов, я знаю, что вряд ли являюсь необходимым элементом реальности. Хотя я являюсь частью реальности, реальность кажется частью меня. Я нахожусь в ее центре, я — солнце, которое ее освещает. Вообразить, будто меня никогда не было, все равно что вообразить, будто мира никогда не было — будто вместо Бытия есть только Ничего.

Где-то в глубине души я знаю, что ощущение, будто реальность мира зависит от моего существования, есть лишь иллюзия, и тем не менее мне трудно от нее избавиться. Возможно, мне удастся вырваться из ее пут, если я буду постоянно напоминать себе, что мир жил себе и не тужил многие миллионы лет до того момента, когда я вдруг очнулся, появившись в «жизни, похожей на сон», и будет жить после того неминуемого мгновения, когда я снова окупнусь в эту тьму.

Список источников

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. Д. Лахути, И. Добронравова. СПб.: Олма Медиа Групп, 2007.

Гуссерль Э . Картезианские размышления / Пер. Д. Складнева; науч. ред. Я. А. Слинин. СПб.: Наука, 2006.

Декарт. Размышления о первой философии. Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн.

Литвак М. Е. Принцип сперматозоида. — Изд. 32-е. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. В. И. Колядко.

Strawson G. Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics. Oxford University Press, 2011.

Чалмерс Д . Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. В. В. Васильева. М.: Либроком, 2013.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. С. И. Церетели.

Источники на иностранном языке

Brian Greene, *The Elegant Universe: Superstrings, Hidden Dimensions, and the Quest for the Ultimate Theory*, Vintage Series, Random House Inc, 2000.

Nagel T. *The View from Nowhere*. Oxford University Press, 1986. Bertrand Russell. *Basic Writings of Bertrand Russell*.

Parfit. *Reasons and Persons*.